

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СССР И РФ НА РУБЕЖЕ 80-90-Х ГГ.

За несколько лет до распада Союза ССР Верховный Совет принял закон «О языках народов СССР». В данном законе русский язык не получал статуса государственного, а признавался только «официальным языком СССР» и «средством межнационального общения». Вместе с тем закон закреплял право союзных и автономных республик определять правовой статус языков республик, а также устанавливать их в качестве государственных языков, кроме этого, закон констатировал недопущение ущемления права советских граждан использовать в различных сферах государственной и общественной жизни свой родной язык. Однако, как отмечает отечественный политолог А. Захаров, высший советский представительный орган на тот момент находился в безвыходном положении и вынужден был законодательно санкционировать сложившуюся языковую ситуацию в стране. Дело в том, что борьба за повышение статуса «титულных» языков стала довольно эффективным средством политического самоутверждения национальных элит союзных республик, а в дальнейшем, как мы это увидим, и в российских автономных образованиях. В конце 80-х гг. у истоков так называемой «лингвистической революции» были прибалтийские республики: в 1988 г. Литва и Латвия придали своим национальным языкам в республиканских конституциях статус государственных, а в начале 1989 г. Эстония приняла свой закон «О языке», согласно которому государственным языком республики объявлялся эстонский. Впоследствии в течение 1989–1990 гг. 11 союзных республик приняли соответствующие законы. Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что еще в 1978 г., когда после принятия союзной конституции принимались конституционные акты союзных республик, входившие тогда в состав Союза Азербайджан, Армения и Грузия закрепили за своими языками статус государственных.

В то же время в самой союзной конституции языковые отношения регулировались минимально. В частности, декларировалось равенство граждан перед законом независимо от языка, возможность обучения в школе на родном языке, право выступать в суде на родном языке, конституция также обязывала публиковать

законы СССР, постановления и иные акты Верховного Совета СССР на языках союзных республик. Вместе с тем отсутствовали гарантии соблюдения провозглашенных общих принципов, например гарантии сохранения национального языка в качестве языка обучения и воспитания. Это фактически сужало функции малых языков. Конституция СССР 1977 г. не определяла юридического статуса языков и не содержала указаний на особый статус русского языка. В главе «Суд, арбитраж» перечислялись в определенной последовательности языки, на которых велось судопроизводство: 1) язык союзной республики; 2) язык автономной республики; 3) язык автономной области; 4) язык автономного округа, тем самым закреплялась своего рода административно-территориальная иерархия языков СССР¹. Возможно одно из косвенных указаний на особый статус русского языка содержалось в союзной геральдике: надпись на гербе «Пролетарии всех стран соединяйтесь» на русском была выполнена крупнее.

Примерно в то же самое время, в конце 80-х – начале 90-х в «языковую реформу» включились автономные республики, входившие в состав РСФСР. Однако, как отмечает А. Захаров, в отличие от союзных республик российские автономные республики не могли не учитывать этнический состав населения и уровень реального развития национальных языков, а именно соответствия состава и структуры языка тем функциям, которые он может выполнять как государственный. Поэтому наряду с местными вторым государственным языком объявлялся русский². Кроме этого позитивную сдерживающую роль здесь сыграл Закон «О языках народов РСФСР», принятый в 1991 г. Закон вполне объективно отразил уже по факту реально сложившуюся языковую ситуацию. В частности, в Вводной части говорилось, что на территории РФ с ее многонациональным населением традиционно сложившейся нормой является двуязычие и многоязычие. В ст. 3 был закреплен статус русского языка в качестве государственного на всей территории страны, а статус прочих языков оставлен на усмотрение республик в составе Федерации. В последнем случае закон просто констатировал и легализовал уже сложившуюся в некоторых республиках ситуацию. В то же время Закон о языках закрепил сферы, где использование русского языка является обязательным: работа высшего законодательного органа, официальное делопроизводство на всероссийском уровне, официальная переписка между

субъектами Федерации, передачи всероссийского телевидения и радиовещания. Кроме этого, Закон установил, что алфавиты государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Хотя уже в 2000-х гг. предпринимались попытки пересмотра данного положения закона, однако Конституционный Суд РФ признал его неизменность.

Уже после принятия закона «О языках народов РСФСР» в 1992 г. был заключен Федеративный договор (правда, некоторые субъекты, например Чечня и Татарстан, в принципе отказались его подписывать), который хоть и сыграл определенную положительную роль в сохранении России как суверенного и неделимого государства, однако абсолютно игнорировал языковой вопрос и даже не определил в чьем ведении он находится. Впрочем, данная ситуация была исправлена в 1993 г. после принятия действующей Конституции РФ. Так в Конституцию была включена ст. 68, посвященная государственному языку и языковым гарантиям для всех народов страны, в которую вошли положения, ранее озвученные в Законе от 25.10.1991 г. «О языках народов РСФСР», а именно: русский язык теперь в отличие от советского опыта был объявлен государственным уже на конституционном уровне. Также Конституция закрепила право республик в составе РФ устанавливать свои государственные языки. Что касается последнего из упомянутых положений, то на практике сложилась несколько неоднозначная ситуация. Дело в том, что до начала процесса объединения некоторых субъектов РФ в составе Федерации существовало 32 национально-территориальных образования (21 республика, 10 автономных округов и 1 автономная область) и только в 6 из них «титульное» население составляет более половины жителей, и основная масса населения предпочитает говорить порусски. И причиной этому является не насильственная русификация, а объективная потребность населения в общем языке³. В то же время, несмотря на это, в начале 90-х в некоторых республиках (Якутия, Коми, Марий Эл, Хакасия, Калмыкия) обсуждалась идея предъявления соискателям руководящих должностей требования свободного владения языком «титульной» нации. В итоге это могло привести к тому, что значительная часть населения отсекается от участия в государственном управлении по этническому признаку⁴. Ряд тенденций, получивших развитие в конце 80-х и начале 90-х, имеют место и сейчас. Так, около года назад в Татарстане в

республиканский закон «Об образовании» было включено положение, которое обязывает учащихся учреждений начального и среднего профессионального образования изучать татарский язык в равном объеме с русским. Конституционный Суд РФ признал, что в данной части закон «Об образовании» Республики Татарстан не является неконституционным, и сразу после этого в Башкирии принимается аналогичное изменение в республиканском законодательстве. Хотя целесообразность именно обязательного изучения титульных языков наравне с русским в сфере профессионального образования является сомнительной.

В целом же после происшедших на переломе 80–90-х гг. изменений с точки зрения языковой ситуации субъекты РФ можно поделить на три группы: во-первых, это регионы, где языковое большинство совпадает с национальным. Сюда относятся края и области; во-вторых, это регионы, которые имеют статус национально-территориальных образований в сочетании с явным меньшинством «титульных» этносов (Коми, Карелия, Якутия), при этом сферы использования местных языков ограничены в силу демографических причин; в-третьих, это регионы, в которых доля «титульных» народов близка или незначительно превышает половину населения, и где на деле практикуется двуязычие или многоязычие (сюда можно отнести Татарстан, Чувашию, республики Северного Кавказа).

И все же нужно отметить, что сложившаяся в стране языковая ситуация несколько не соответствует логике экономических преобразований. Например, такие отечественные политологи, как Б. Кагарлицкий, А. Захаров, несмотря на разность своих политических взглядов, приходят к схожему выводу, что переход экономики на рыночный лад требовал в свое время скорее языковой унификации, нежели использования нескольких языков, особенно в деловой и управленческой сферах. Тем не менее направления рыночных и лингвистических преобразований на рубеже 80–90-х гг. были диаметрально противоположны. И в качестве причин этого можно назвать уступки федерального центра, а также необходимость предоставления и, что самое главное, соблюдения права на пользование родным языком.

Примечания

1. Мечковская Н. Б. Социоллингвистика. М., 2000. С. 118–119.

2. *Захаров А. Е pluribus unum. Очерки современного федерализма. М., 2003. С. 125–126.*
3. Там же. С. 133–134.
4. Там же. С. 136.
5. *Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000 гг. М., 2000; Кагарлицкий Б. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005; Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под ред. Е. П. Чельшева. СПб., 2003; Языковая политика в современном мире. По материалам Третьего и Четвертого международных семинаров по государственной политике и актуальным проблемам двуязычия. СПб., 2007.*

СУТУРИН С. Б.

ИЗ ИСТОРИИ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННО- ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1960–70-Е ГГ.

Сегодня никого не удивишь ни компьютерами, ни информационными сетями, ни Интернетом, ни сотовой связью, ни прочими прелестями современной технико-технологической и информационной революции. В исследуемый нами период процесс включения электронно-вычислительной техники в производственный цикл и в систему управления им только начинался. Наиболее значительная по своим задумкам в последнюю четверть века существования советской власти экономическая реформа 1965 г. и последующие решения правящей партии и правительства предусматривали кардинальное улучшение методов хозяйствования, поиски новых форм, методов и средств управления, как важнейших резервов в обеспечении динамичного, устойчивого развития промышленности и всей экономики. Поэтому в деле совершенствования механизма хозяйствования и управления перед предприятиями главными задачами определялись: широкое применение ЭВТ, развитие и повышение эффективности АСУ, вычислительных центров и машиночислительных станций, широкая механизация и автоматизация управленческой работы, подготовка и переподготовка кадров управленческого звена для работы на новой технической базе.

В 1970 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по совершенствованию управления народным хозяйством на основе широкого использования средств вычисли-